

Когда Дуань Минъян вышел из ванной, тесная комната оказалась заполнена тремя взрослыми мужчинами, что сделало ее еще более тесной.

Врач быстро и умело обработал спину Дуань Минъяна, оставил контакты и ушел. Пришел и ушел быстро, видимо, спешил домой спать, так как уже была глубокая ночь.

Ли Ло за это время позвонил и отказался от приглашения друзей, которые в это время развлекались в клубе с девушками и алкоголем. Они жаловались: [Ли Шао, без тебя мы не сможем повеселиться!], но, вероятно, уже были настолько пьяны, что не понимали, где находятся.

Вскоре после ухода врача в дверь снова постучали. На этот раз это был доставщик торта.

Ли Ло двумя руками взял коробку с тортом от курьера, развернулся и пошел в комнату, шаг за шагом, опуская голову, чтобы не споткнуться о разбросанные вещи, и осторожно поставил торт в центр комнаты.

На столе не было места, поэтому он придвинул пластиковый стул и поставил торт на него. После долгих уговоров он усадил Дуань Минъяна на край кровати, и они вместе начали разворачивать упаковку. Открыв коробку, они увидели, что торт выглядел так же красиво, как на картинке.

— Поставить свечи и загадать желание?

Дуань Минъян нахмурился, глядя на яркий черный цилиндр:

— Что это?

— Муссовый торт.

— Что такое мусс?

Ли Ло был ошарашен:

— Ты... ты не знаешь, что такое мусс?

— Я редко ем торты, — Дуань Минъян символически воткнул несколько тонких свечек, которые дали в магазине. — Раньше мама готовила мне лапшу, но когда мне было десять, она заболела, и с тех пор у меня не было дня рождения.

Эти слова были настолько грустными, что любой человек с каплей сострадания не смог бы остаться равнодушным.

Ли Ло, у которого гнев уже давно улетучился, снова почувствовал сочувствие. Он подсел ближе, обнял его за руку и мягко сказал:

— Тогда я буду праздновать твой день рождения каждый год, хорошо? Только согласишься быть моим парнем, и, может быть, научишь меня драться.

Конечно, последнее было важнее.

Дуань Минъян повернулся к нему.

— Ты больше не будешь праздновать мой день рождения.

Ли Ло возмутился:

— Почему ты всегда мне не веришь?

— Потому что твоя так называемая любовь слишком поверхностна и хрупка. Если говорить прямо, я думаю, что ты вообще меня не любишь.

Это было довольно точное замечание... Ли Ло мысленно усмехнулся, но спросил:

— Тогда скажи, как по-твоему выглядит настоящая любовь?

— Если я кого-то люблю, то это на всю жизнь.

Голос Дуань Минъяна был низким и глубоким, словно он говорил о чем-то серьезном, но в то же время предупреждал, излучая неоспоримую убедительность и давление.

— Я буду держаться за этого человека до самой смерти.

— Так что не пытайся заставить меня полюбить тебя. Со мной лучше не связываться.

Ли Ло онемел, не зная, что ответить.

Обычно он легко находил общий язык с людьми, но с Дуань Минъяном он всегда оказывался в тупике, постоянно подавляемый.

В тихой и тесной комнате они сидели рядом, обнявшись, словно близкие любовники, но ни один из них не чувствовал тепла от другого. Это зрелище было странным и неловким.

В конце концов Ли Ло отпустил его руку и неуверенно засмеялся.

Даже с его толстой кожей и умением притворяться, он не мог сказать: «Я тоже могу любить тебя всю жизнь».

Тон Дуань Минъяна был слишком серьезным, словно яркое зеркало, в котором все его ложь становилась видимой, вызывая чувство вины.

— Но в любом случае, спасибо за торт, — Дуань Минъян вытащил несколько свечек, которые даже не зажгли, и отрезал большой кусок торта, положил его на бумажную тарелку, воткнул маленькую вилку и протянул ему.

— Ты не зажжешь свечи? Не загадаешь желание? — Ли Ло никогда не видел такого небрежного празднования дня рождения.

— Раньше загадывал, но это не помогло. Все осталось по-прежнему, даже стало хуже, — Дуань Минъян отрезал себе маленький кусочек, его жесткое лицо не выражало эмоций. — Даже если есть бог, исполняющий желания, он увидит только тех, кто выделяется в толпе, например тебя.

— Он не увидит тех, кто прячется в темных углах, например меня.

Ли Ло держал в руках кусок шоколадного мусса, задумавшись.

— ...Бог тоже меня не видит. Каждый год я загадываю желание, чтобы мама вернулась, но оно никогда не сбывается, — он горько усмехнулся. — Может, мне стоит последовать твоему примеру и больше не праздновать дни рождения.

На столе лежал найденный кошелек, в прозрачном отделении которого была фотография его с мамой в отпуске, когда ему было двенадцать лет.

Тогда он, маленький, улыбался ярко и беззаботно, был ребенком, выросшим в роскоши, окруженным любовью родителей, не знающим трудностей и жестокости мира. Но сейчас...

Фотографию можно было переснять или распечатать, но испорченные воспоминания уже нельзя было вернуть.

Ли Ло долго смотрел на фотографию, тихо вздохнув. Отводя взгляд, он заметил слабый красный след на углу и вдруг почувствовал что-то неладное.

— Подожди, этот кошелек... это мой оригинальный?

Дуань Минъян, зачерпнув немного торта, отправил его в рот, опустив голову, не проронив ни слова.

Подозрения Ли Ло усилились:

— Почему на фотографии внутри есть кровь, а снаружи нет ни следа? Как ты это сделал?

Дуань Минъян доел последний кусочек торта, встал, выбросил бумажную тарелку в мусорное ведро и молча подошел к шкафу. Он открыл ящик, достал коробку и вернулся.

— Ты слишком умный, знаешь? Это раздражает.

Его тон был похож на каприз ребенка, и Ли Ло невольно улыбнулся, принимая коробку:

— Ты действительно купил мне новый кошелек? А это мой старый?

— Да.

— Хахаха, ты слишком любезен, мой кошелек стоил больше двух тысяч фунтов...

Ли Ло вдруг запнулся.

[Система: ...он зашел в магазин роскоши и просто купил кошелек за две тысячи фунтов, боже мой...]

[Система: ...ты не представляешь, за ту неделю, что тебя не было, Дуань Минъян почти каждую ночь работал до утра...]

Откуда у Дуань Минъяна такие деньги? Он не принимал помощь от отца, и единственный источник дохода — это работа в баре. Сколько он получал в час? Число было настолько низким, что он даже не помнил точно.

Такой кошелек стоил как минимум два месяца его зарплаты.

Эта мысль ударила Ли Ло как молот, вызвав тупую боль в сердце. Он затаил дыхание и медленно открыл коробку —

Внутри действительно был его старый кошелек, но он был неузнаваем.

На качественной коже остались несмываемые следы темной крови и грязи, ужасающе поврежденный.

— Шел дождь, когда он упал на землю. Я хотел его спасти, но потом он испачкался кровью, и ничего нельзя было сделать.

Дуань Минъян говорил так спокойно, словно просто уронил кошелек, случайно порезался, и кровь попала на него.

Но, увидев синяки на его спине, даже дурак мог представить, как его избивали палками, он упал на землю, кошелек выпал, и как семь или восемь человек избивали его до крови, которая попала на кошелек.

Ли Ло держал в одной руке новый кошелек, а в другой — старый, и обе руки словно держали раскаленные утюги, обжигая болью.

— Тебе не нужно было этого делать...

Его обычно красноречивый язык снова отказал.

Человек, который всегда был холоден и равнодушен к нему, вдруг сделал такой жест, и это вызвало огромное эмоциональное потрясение.

Была ли это благодарность? Конечно. Удивление? Тоже. Но больше всего... это была жалость.

Он действительно жалел Дуань Минъяна.

— Я знаю, что для тебя кошелек — это пустяк, но раз я его испортил, я должен был взять ответственность, — сказал Дуань Минъян.

— А как насчет твоего бюджета? Я слышал, твоей маме нужна операция...

— Я могу больше работать, операция еще через полгода, не спеши.

— Минъян... — Ли Ло прикусил губу, его голова была в хаосе, а нос неконтролируемо защемило.

— Это первый раз, когда я получил что-то настолько ценное.

Дуань Минъян взял у него грязный кошелек и положил обратно в коробку:

— Это ничего особенного. Такие кошельки ты можешь купить сколько угодно.

Ли Ло покачал головой:

— Это не то же самое.

Он, хоть и был легкомысленным, но не был лишен чувства добра и зла.

Он подтянул ноги, положил голову на колени и, повернувшись к нему, впервые в его янтарных глазах появилась искренняя мягкость и привязанность, а голос стал теплым:

<http://bllate.org/book/15270/1347817>